

Николай Михайлович Карамзин

Русская старина

Николай Михайлович Карамзин

Русская старина

«...Сообщаем публике анекдоты и разные известия о старой Москве и России, выбранные нами из чужестранных авторов, которые во время Царей жили в нашей столице, и которые не во всех библиотеках находятся. Думаем, что эта статья для многих читателей будет занимательна. К несчастью, мы так худо знаем Русскую старину, любезную для сердца патриотов!...»

Произведение дается в дореформенном алфавите.

Содержание

#1	0005
Примечания	0035

**Николай Михайлович
Карамзин
Русская старина**

(Сообщаемъ публикѣ анекдоты и разныя
Сизвѣстія о старой Москвѣ и Россіи, вы-
бранныя нами изъ чужестранныхъ Авторовъ,
которые во время Царей жили въ нашей сто-
лицѣ, и которые не во всѣхъ библіотекахъ
находятся. Думаемъ, что эта статья для мно-
гихъ читателей будетъ занимательна. Къ
нещастью, мы такъ худо знаемъ Рускую
старину, любезную для сердца Патріотовъ!)

Во время Царя Михаила Ѳеодоровича счи-
талось въ Москвѣ около 2000 церквей.

Сіе великое число покажется удивительно;
но должно знать, что всякой Бояринъ, всякой
знатной или богатой человекъ того времени
хотѣлъ имѣть собственную церковь свою.
Онѣ были почти всѣ деревянныя и маленькія.
Патріархъ Никонъ, видя частые въ Москвѣ
пожары уговаривалъ набожныхъ и богатыхъ
людей строить каменныя церкви, и множе-
ство деревянныхъ было при немъ сломано.
Олеарій говоритъ о пятидесяти церквахъ въ
Кремль; но вѣроятно, что онъ и придѣлы на-
зываетъ Храмами. — Иностранцы, замѣчая,
что всѣ наши церкви внутри бываютъ съ

круглыми сводами, хотѣли знать причину того, но не могли свѣдать ее. Извѣстно, что и языческіе храмы (какъ на примѣръ, Пантеонъ въ Римѣ) по большой части имѣли круглые своды: видъ неба безъ сомнѣнія служилъ для нихъ образцомъ. — Католики и Лютеране спрашивали также у Рускихъ: для чего въ храмахъ нашихъ не бываетъ музыки? Для того (отвѣчали они), что инструменты бездушные не могутъ Хвалить Бога, и что въ Новомъ Завѣтѣ совсѣмъ не упоминается о музыкѣ.» — Олеарій и другіе чужестранные Писатели говорятъ, что одно Руское ухо могло сносить страшной звонъ Московскихъ колоколовъ. Въ большой колоколь Годунова, вѣсомъ въ 356 центнеровъ, звонили единственно въ большіе праздники, или тогда, какъ Цари принимали въ Кремль важныхъ Пословъ чужестранныхъ. — Описывая тишину благочестія, наблюдаемую Рускими въ церквахъ, Олеарій прибавляетъ, что Московскіе жители и на улицахъ безпрестанно молятся, или передъ иконами, стоящими на воротахъ, или передъ крестами церквей. Герберштейнъ, бывшій въ Москвѣ еще при Князѣ Ва-

сильѣ Ивановичѣ, также замѣчаетъ великую набожность Рускихъ, и пишетъ, что они, приходя одинъ къ другому въ гости, обыкновенно снимаютъ шапку въ дверяхъ, ищутъ глазами не хозяина, а иконъ; становятся посреди горницы, три раза крестятся и кланяются имъ, говоря въ слухъ: *Господи помилуй*; а тамъ уже оборачиваются къ хозяину съ привѣтствіемъ: *дай Боже здравія тебѣ и домашнимъ твоимъ!* – До самыхъ временъ Императора ПЕТРА Великаго Рускіе Священники не смѣли говорить проповѣдей въ церквахъ; начальники Духовенства боялись ереси и расколу, который, по ихъ мнѣнію, могъ родиться отъ своевольныхъ изъясненій Св. Писанія. Во время Патріарха Никона Муромскій Протопопъ Логинъ отступилъ отъ сего закона и началъ проповѣдывать въ церкви, уговоривъ и другихъ Муромскихъ Священниковъ слѣдовать его примѣру. Народъ слушалъ ихъ съ великимъ удовольствіемъ; но Патріархъ, свѣдавъ о томъ, разстригъ Логина и товарищей его, и сослалъ ихъ въ Сибирь. – Цари бывали со всѣми Боярами ежегодно два или три раза въ Монастырѣ Троицкомъ. Царь Миха-

иль Θεодоровичъ всегда праздновалъ тамъ день Троицы и свои именины въ Сентябрѣ мѣсяцѣ. Не доѣзжая до монастыря за три версты, онъ выходилъ изъ коляски или берлина, чтобы со всѣми Боярами итти пѣшкомъ до самыхъ воротъ, гдѣ встрѣчалъ его Архимандритъ. Царь живалъ тамъ по-нѣскольку дней, и часто забавлялся охотою въ окрестныхъ мѣстахъ. Петрей говоритъ, что Архимандритъ, по старинному обыкновению, долженъ былъ угощать Царей и свиту ихъ на счетъ богатой казны монастырской. – Всѣ Рускіе Государи старались отличить себя благочестіемъ; но едва ли кто нибудь изъ нихъ могъ сравняться въ усердной набожности съ Михаиломъ Θεодоровичемъ, который, по словамъ Олеарія, почти всегда молился въ церкви на колѣняхъ и падалъ ницъ передъ иконами.

Олеарій при описаніи своего путешествія излалъ весьма хорошій и вѣрный планъ Москвы. Въ его время она разлѣялась на *Китай-городъ*, *Царь-городъ* (нынѣ бѣлой-городъ), *Скородомъ* и *Стрѣлецкую Слободу*, бывшую за Москвою-рѣкою. Кремль считался только частію Китая-города. Олеарій пишетъ о

великолѣпні дворца, построенаго въ Италіянскомъ вкусѣ Царемъ Михаиломъ для сына его, Алексѣя Михайловича; самъ же Царь жилъ для своего здоровья въ деревянномъ домѣ. Всѣ знатнѣйшіе Бояре имѣли дома въ Кремль. Палаты Никона Патріарха были тамъ, послѣ дворца, огромнѣйшимъ зданіемъ. Олеарій не изъясняетъ имени Кремля; но мы знаемъ, что оно Татарское и значитъ *крѣпость*. За то онъ сказываетъ намъ, что имя Китая-города значитъ *средній городъ* — вѣроятно, также на Монгольскомъ или Татарскомъ языкѣ, изъ котораго наши предки заимствовали довольно словъ. Будучи между Кремлемъ и Царемъ-городомъ, *Китай* могъ назваться *среднимъ*. Въ немъ жили тогда всѣ богатѣйшіе гости или купцы, нѣкоторые Князья Московскіе и дворяне. Олеарій, упоминая о готической и примѣчанія достойнѣйшей въ Китаѣ-городѣ церкви Василія Блаженнаго, рассказываетъ, что Царь Іоаннъ, будучи ею весьма доволенъ, приказалъ выколоть глаза Архитектору ея, чтобы онъ не могъ построить другога, столь же красиваго храма: возможно — но справедливо ли? оставимъ безъ

изслѣдованія. По крайней мѣрѣ сей анекдотъ рассказывали у насъ въ старину за истину. Не далеко отъ Василія Блаженнаго было возвышенное мѣсто, на которомъ *лежали* неподвижно двѣ огромныя пушки, обращенныя къ той улицѣ, откуда обыкновенно приходили Татары. На Красной Площади *съ утра до вечера* толпилось множество людей праздныхъ, господскихъ слугъ, купцовъ и продавцевъ всякаго роду вещей. Сіе мѣсто походило на Римскій Форумъ. Тутъ рассказывались всякія любопытныя вѣсти. Уже при Царѣ Михаилѣ Θεодоровичѣ (Вѣроятно, что и гораздо прежде) для всякаго товара былъ въ Москвѣ особенный рядъ, какъ и нынѣ, и на томъ же самомъ мѣстѣ. Олеарій именуетъ ряды шелковый, суконный, серебряный, шапошный, сѣдельный, сапожный, иконный и проч. Онъ говоритъ еще о рынкѣ (между Посольскимъ Дворомъ и Красною Площадью), гдѣ въ хорошую погоду Московскіе жители стригли себѣ волосы, которыми земля была тѣмъ устлана какъ *мягкими тюфяками*. Китай-городъ окруженъ былъ красною, а Царь-городъ бѣлою стѣною. Въ сей части города жили дѣти

Боярскіе или дворяне, богатое мѣщанство, купцы имѣвшіе торгъ съ другими городами, ремесленники и всѣ хлѣбники; тамъ же были Царская конюшня и литейной дворъ, на томъ мѣстѣ, которое называлось *поганымъ прудомъ*. — Третья часть Москвы (за нынѣшнимъ *бѣлымъ городомъ*) называлась *Скородомомъ* отъ того, что она состояла изъ однихъ деревянныхъ маленькихъ домовъ, которыхъ строеніе не требовало много времени. Тамъ находился лѣсной рядъ, гдѣ продавались всегда готовые срубы. Въ *Скородомъ*, окруженномъ деревянною стѣною съ башнями, жили мѣщане и подъячіе. — Четвертая часть города, или Стрѣлецкая Слобода (за Москвою-рѣкою), также обнесенная деревянною стѣною, была построена вовремя Князя Василья Ивановича для иностранныхъ солдатъ, взятыхъ имъ въ Рускую службу. Во время Годунова, Димитрія и Царя Михаила Ѳеодоровича жили тамъ Стрѣльцы и самые бѣднѣйшіе люди.

Густая борода и толстое брюхо считались на Руси великимъ украшеніемъ челоуѣка. Цари, принимая чужестранныхъ Министровъ, нарочно окружали себя людьми дородными,

чтобы тѣмъ придать болѣе важности своимъ аудіенціямъ. Знатные господа обыкновенно подбривали себѣ волосы кругомъ, и единственно тогда отпускали ихъ, когда впадали при Дворѣ въ немилость. Бояринъ съ длинными волосами ходилъ всегда потупивъ глаза въ землю, и народъ, встрѣчаясь съ нимъ, говорилъ: *Царь-Государь на него прогнѣвался.* — Иностранцы чрезмѣрно хвалили красоту Московскихъ женщинъ, но съ отвращеніемъ говорили о странномъ ихъ обыкновеніи размазывать себѣ лицо бѣлилами и румянами, такъ, что сіи грубыя краски лежали на немъ толстыми слоями. Сія безобразная мода перешла въ Россію изъ Константинополя еще во время Великихъ Князей Кіевскихъ. Бѣдныя красавицы наши иногда со слезами должны были ей слѣдовать. Олеарій рассказываетъ, что въ бытность его въ Москвѣ жена Боярина, Князя Ивана Борисовича Черкаскаго, будучи молода и прекрасна, не хотѣла бѣлиться; но всѣ знатныя женщины объявили ей войну за такое презрѣніе къ древнему обыкновенію, подбили мужей своихъ вступить за честь бѣлить, и наконецъ принудили молодую Кня-

гиню раскрасить, подобно другимъ, нѣжное лицо ея.

Предки наши носили не совсѣмъ такое платье, какое нынѣ называется Рускимъ. Сверхъ короткой рубашки (у богатыхъ вышитой разными шелками, и даже золотомъ, на рукавахъ и на воротникѣ, который выставлялся изъ-подъ одежды) они надѣвали узкое и короткое полу-кафтанье, едва достававшее до колѣнъ, и сшитое всегда изъ тонкой матеріи (изъ тафты или атласа) съ бархатнымъ или парчевымъ воротникомъ, высокимъ и стоячимъ; а сверхъ того кафтанъ, по икру, также изъ тонкой матеріи, но всегда стеганный и называемый фerezія[1]; а когда имъ надлежало вытти изъ дому, тогда всякой наряжался въ кафтанъ длинной, суконной, темно-синій или кофейной, иногда же въ парчевой или атласной, съ широкимъ воротникомъ, съ золотыми петлицами и съ длинными сбористыми рукавами. Такихъ богатыхъ кафтановъ хранилось множество въ Царской кладовой; — въ день аудіенціи давали ихъ надѣвать чиновникамъ, и снова запирали въ сундуки. — Бояре, при всякомъ торжественно-

мъ случаѣ, являлись въ *высокихъ* шапкахъ, собольихъ и черныхъ лисьихъ; а другіе знатные или богатые люди носили обыкновенно бархатныя съ соболіею опушкою. Сапоги у нихъ были короткіе, по большой части изъ Персидскаго сафьяна, остроносые и съ высокими каблуками. Женщины носили ферези, или сарафаны, а сверхъ шубы или длинное, широкое платье, почти такое же, какъ мужчины, съ застежками или съ серебряными пуговицами. Замужнія ходили въ шапкахъ[2] съ бобровою опушкою, унизанныхъ жемчугомъ и вышитыхъ золотомъ; а дѣвицы въ большихъ лисьихъ. — Маржереть говоритъ, что знатныя Рускія женщины обыкновенно провожали верхомъ Царицу, когда она ѣзжала гулять за городъ: это покажется иному невѣроятнымъ; но для чего же лгать Маржерету, который долго жилъ въ Москвѣ при Годуновѣ и Дмитріѣ? Надобно думать, что Рускія женщины переняли ѣздить верхомъ у Татарокъ.

Описаніе домашней жизни старыхъ Рускихъ Бояръ безъ сомнѣнія не плѣнитъ нашего воображенія. Не многіе изъ нихъ имѣли каменные дома, и то уже во время Романовыхъ;

при Годуновѣ жили они въ деревянныхъ, маленькихъ и темныхъ домикахъ. Горницы обивались иногда выбѣленною холстиною, и единственнымъ украшеніемъ ихъ были образа. Домашняя посуда состояла – въ горшкахъ, въ деревянныхъ или оловянныхъ чашахъ и тарелкахъ. Въ одномъ дворцѣ подавали кушанье на серебрѣ; богатые и знатные люди имѣли только чарки и стопы серебряныя. Щи, разныя похлебки, каши, пироги, ветчина, всякія жареныя мяса (кромѣ телятины), икра и соленая рыба, составляли богатство Руской кухни. Олеарій говоритъ, что старики наши съ похмѣлья ѣдали обыкновенно рубленую баранину съ огурцами, перцомъ, уксусомъ и разсоломъ огурешнымъ; что они крайне любили чеснокъ, и что въ самыхъ знатнѣйшихъ домахъ рѣдко проходилъ запахъ его. Иностранцамъ отмѣнно нравились Рускіе меды: малиновой, вишневой, смородинной и другіе. Что же касается до Италіянскихъ и Французскихъ винъ, то Бояре хотя и получали ихъ черезъ Архангельскъ, однакожь предпочитали имъ водку. Знатные люди не рѣдко давали обѣды и приглашали къ себѣ гостей изъ ниж-

няго состоянія, на примѣръ изъ купцовъ: въ такомъ случаѣ сіи послѣдніе обыкновенно изъясляли благодарность свою дорогими подарками, такъ, что хозяинъ не оставался въ накладѣ. Если онъ хотѣлъ дружески обласкать ихъ, то призывалъ жену, чтобы она подчивала гостей водкою; иногда дозволялось имъ даже и цѣловать ее въ губы. Такимъ образомъ нѣкто изъ людей знаменитыхъ въ Москвѣ, угощая Олеарія, вызвалъ его въ другую комнату, гдѣ встрѣтила ихъ хозяйка въ богатой одеждѣ, поклонилась сперва мужу, а тамъ гостю; взяла изъ рукъ служанки подносъ съ наливою чаркою, сама отвѣдала и подала Олеарію. Сія молодая, прелестная женщина, исполняя волю супруга, должна была, покраснѣвши, поцѣловать иностранца, и вручила ему бѣлую тафтяную ширинку, вышитую золотомъ и серебромъ.

Рускіе обѣдали въ старину часу въ одиннадцатомъ утра, и тотчасъ ложились отдыхать, какъ знатные, такъ и простые люди. Въ сіе время не лъзя было итти въ гости ни къ купцу, ни къ Боярину; даже сидѣльцы запирали лавки свои и въ лѣтнее время спали на землѣ

передъ ними. Димитрій самозванецъ никогда не отдыхалъ послѣ обѣда и не ходилъ въ баню: жители Московскіе заключали изъ того, что онъ не Руской!

Жены богатыхъ и знатныхъ мужей вели обыкновенно жизнь праздную и мало думали о хозяйствѣ; вышивали платки и кошельки золотомъ; сидѣли поджавъ руки, или качались на качеляхъ съ служанками. Онѣ рѣдко выходили изъ дому, даже и въ церковь: ибо Рускіе мужья въ старину не стыдились быть ревнивыми. Боярыни, нарядясь великолѣпно, выѣзжали лѣтомъ въ закрытыхъ маленькихъ коляскахъ, или *колымагахъ*, обитыхъ *снаружи* краснымъ сукномъ; а зимою въ саняхъ, также закрытыхъ. Всякая изъ нихъ сажала въ ногахъ своихъ молодую *рабу*. Крутомъ шло множество слугъ, иногда до 30 и 40 человекъ, говоритъ Олеарій; а на лошади, впряженной въ *колымагу* или въ сани, висѣли лисьи хвосты. Такъ украшались и Боярскія и Царскія лошади; сихъ послѣднихъ обвѣшивали иногда и соболями.

Иностранцы, бывшіе при Царяхъ въ Москвѣ, находили нашихъ предковъ

невѣждами Въ сравненіи съ другими Европейскими народами; но исключали изъ сего числа нѣкоторыхъ знатныхъ людей, уже имѣвшихъ довольно свѣдѣній. Такъ, на примѣръ, Олеарій чрезмѣрно хвалить умъ и любезность Боярина Никиты Ивановича Романова-Юрѣва, человѣка веселаго и добродушнаго. Онъ былъ усерднымъ покровителемъ всѣхъ чужестранцевъ въ Москвѣ, любилъ ихъ обычаи, музыку, даже сдѣлалъ себѣ Нѣмецкое платье, ѣздилъ въ немъ иногда на охоту, и не слушался Патріарха Іосифа, который упрекалъ его такою непристойностію; однакожь Ісифъ досталъ наконецъ хитростію Нѣмецкое платье Боярина и сжегъ его. Сей Никита Ивановичъ не рѣдко спорилъ съ Патріархомъ о Религіи; говорилъ не много, но сильно и рѣзко: ибо онъ, будучи родственникомъ Государевымъ и любимъ всѣми, не боялся досадить ему. — Борисъ Ивановичъ Морозовъ, воспитатель Царя Алексѣя Михайловича, описывается иностранцами также весьма умнымъ и любопытнымъ человѣкомъ. Онъ дружески обласкалъ Голштинскихъ Пословъ, бывшихъ въ Москвѣ при Царѣ Михаилѣ — уго-

щаль ихъ въ домъ своемъ, веселилъ соколиною охотою и провожалъ съ музыкою по Москвѣ-рѣкѣ, когда они отправились водою въ Персію. – Патріархъ Никоиъ есть важный характеръ для Историка Россіи: иностранцы отдавали справедливость необыкновенному его разуму. Онъ жилъ, по ихъ извѣстіямъ, весьма хорошо и даже роскошно въ новыхъ Кремлевскихъ палатахъ своихъ; любилъ веселиться съ умными Боярами, любилъ шутить въ разговорахъ и сказалъ одной молодой Нѣмкѣ, которая приняла Греческую Вѣру и требовала его благословенія: прекрасная дѣвица! я не знаю, что сдѣлать прежде: благословить или поцѣловать тебя!»... Надобно знать, прибавляетъ Авторъ, что духовныя Особы въ Россіи, по обряду церкви, должны братски лобызать тѣхъ, которые принимаютъ ихъ Религію. – Впрочемъ Никонъ хотѣлъ всегда строгаго общественнаго благонравія. Такъ, на примѣръ, онъ запретилъ музыку въ столицѣ, думая, что она можетъ развратить нравы; велѣлъ отобрать музыкальные инструменты не только въ питейныхъ, но и во всѣхъ частныхъ домахъ, и торжественно сжечь ихъ за Моск-

вою-рѣкою. Одинъ Никита Ивановичъ Романовъ не послушался его, и не переставалъ забавляться музыкою въ домѣ своемъ.

Герберштейнъ описываетъ Рускихъ Бояръ и дворянъ весьма гордыми. Простые люди (говорить онъ) почти не имѣютъ къ нимъ доступа, и не могутъ въѣхать верхомъ на Боярскій дворъ. Знатной человѣкъ никогда не ходитъ пѣшкомъ, боясь тѣмъ унизиться; ему надобно сѣсть на лошадь, чтобы видѣться съ сосѣдомъ, живущимъ отъ него въ десяти шагахъ.» – Сей же Герберштейнъ хвалитъ трудолюбіе и воздержность Московскихъ ремесленниковъ, которые, сходявъ въ праздникъ къ обѣднѣ, возвращались домой и снова принимались за дѣло; ибо они думали (вотъ точныя слова его!), что однимъ Боярамъ и знатымъ людямъ можно быть праздными, и что работать гораздо душеспасительнѣе, нежели гулять и пьянствовать. Впрочемъ и самый законъ дозволяетъ имъ пить медъ и пиво въ одни большіе праздники.» – Еще и вовемя Великихъ Князей Московскіе купцы знали и твердили пословицу: *товаръ лицомъ продать*. Хитрость ихъ въ куплѣ и продажѣ удивляла

Нѣмцовъ, которые говорили: «одинъ Сатана обманеть Рускаго.» Но естли иностранецъ ошибкою платиль Рускимъ купцамъ лишнія деньги, то они всегда отдавали ихъ назадъ, думая, что пользоваться такою ошибкою есть быть воромъ. — Мастеровые люди наши и въ старину славились отмѣнною переимчивостію. Иностранные художники, пріѣзжавшіе въ Россію со временъ Князя Іоанна, не пускали ихъ наконецъ въ свою мастерскую, боясь, чтобы они не сравнялись съ нами въ искусствѣ.

Къ чести Рускихъ, иностранцы замѣчали въ нихъ великую любовь къ благотворенію. По смерти всякаго богатаго челоуѣка родственники его, въ теченіе шести недѣль, ежедневно раздавали деньги бѣднымъ людямъ. Купецъ, идучи по утру въ лавку, заходилъ прежде на рынокъ, покупалъ хлѣбъ, и разрѣзавъ его на ломти, отдавалъ нищимъ, которые не только сами питались сею милоутиною, но и продавали еще множество сухарей дорожнымъ людямъ изъ остатковъ ея. — По древнему обыкновенію Цари наши, въ первый день Пасхи, между заутрени и

обѣдни, ходили въ городскую темницу, и сказавъ преступникамъ: *Христосъ воскресъ и для васъ!* дарили каждаго изъ нихъ *новою шубою*, и сверхъ того присылали имъ, чѣмъ разговѣться. – Зимою обыкновенно получали Бояре запасъ изъ деревень своихъ: тогда ключники ихъ должны были навѣдываться о бѣдныхъ людяхъ и надѣлять ихъ мукою; масломъ и проч.

Такія достохвальныя черты нравовъ мнятъ насъ съ невѣжествомъ и суевѣріемъ нашихъ предковъ.... Они считали Астрономію колдовствомъ. Слыша, что Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ желаетъ оставить при Дворѣ своемъ Астронома Олеарія, народъ ужасался и говорилъ: «Царь хочетъ имѣть при себѣ волшебника, который по звѣздамъ угадываетъ будущее!» Это испугало Олеарія.... Черезъ нѣсколько лѣтъ пріѣхавъ опять въ Москву, онъ вздумалъ однажды забавлять Дьяка иностранныхъ дѣлъ темною камерою, и показывалъ ему на стѣнѣ предметы, бывшіе на улицѣ: Дьякъ крестился... Всего страннѣе казалось ему то, что люди и лошади изображались вверху ногами и такимъ образомъ дви-

галиоѡ. — Голландскій Фельдшеръ, именемъ Квиринусъ, служивши Царю, имѣлъ у себя въ горницѣ скелеть человѣка. Однажды Квиринусъ игралъ на лютнѣ и вѣтеръ шевелилъ кости, висѣвшія на стѣнѣ противъ раствореннаго окна. Стрѣльцы увидѣли это и разгласили по городу, что Голландскій Фельдшеръ держитъ у себя мертвыхъ и заставляетъ ихъ плясать по лютнѣ. Дѣло дошло до Патріарха, и бѣднаго Квиринуса хотѣли-было сжечь какъ волшебника. Къ щастью, удалось ему изъяснить свое колдовство Князю Ивану Борисовичу Черкасскому, и страшная исторія кончилась тѣмъ, что Фельдшера выслали изъ Россіи, а скелеть его сожгли за Москвою-рѣкою.

Нарвскій Пасторъ Мартинъ Беръ, бывшій въ Москвѣ при Царѣ Годуновѣ, рассказываетъ слѣдующій анекдотъ: Царь Борисъ занемогъ подагрою и велѣлъ объявить въ столицѣ, что искусный человѣкъ, который исцѣлитъ его отъ сей болѣзни, будетъ щедро награжденъ Царскою милостію. Жена одного Сына Боярскаго вздумала тѣмъ воспользоваться, чтобы отмстить мужу своему за разныя его жестоко-

сти; пришла во дворець и сказала, что мужъ ея знаешъ вѣрное средство вылечить Царя, но не хочетъ употребить его. Боярскаго сына призывають, спрашиваютъ: онъ божится, что не имѣеть понятія о Медицинѣ. Ему не вѣрятъ и грозятъ темницею, даже казню. Видя, какъ говорятъ по-Руски, бѣду неминуемую, сынъ Боярскій требуетъ сроку – посылаетъ людей своихъ накосить возъ травы, дѣлаетъ изъ нее Царю припарки, и – боль утихаетъ, конечно не отъ лекарства, но сама собою. Царь увѣрился въ искусствѣ мнимаго врача, и велѣлъ наказать его за то, что онъ не хотѣлъ сперва помочь ему; однакожь наградилъ битаго собольею шубою, двумястами рублей денегъ и осмнадцатью дворами крестьянъ, обязавъ его подпискою не мстить женѣ. Слышно было, что супруги жили послѣ того въ совершенномъ мирѣ и согласіи.» – При Годуновѣ были уже въ Москвѣ иностранные Медики, которые лечили какъ Царя, такъ и знатнѣйшихъ Бояръ; но еслили лекарства не дѣйствовали и больной умиралъ на ихъ рукахъ, то имъ надлежало отвѣтствовать за сію неудачу какъ за уголовное преступленіе. Ко-

гда Датскій Принцъ, женихъ любезной Ксеніи, занемогъ въ Москвѣ, Борисъ Годуновъ объявилъ Докторамъ, что они жизнь свою заплатятъ за его смерть. Къ несчастію, Принцъ умеръ, и Медики должны были скрыться. Но скоро пришла къ Царю злая подагра, и онъ велѣлъ объявить имъ милостивое прощеніе. — Годуновъ и самъ давалъ Докторскіе патенты. Одинъ изъ его врачей хотѣлъ ѣхать въ Нѣмецкій Университетъ, чтобы получить тамъ градусъ Доктора. Это пустое,» сказалъ Царь: «я знаю твое искусство, жалую тебя въ первоклассные Медики и велю написать патентъ не хуже Университетскаго.» — Но только Дворъ и Бояре, говоритъ Маржеретъ, прибѣгали къ иностраннымъ врачамъ: всѣ другіе Московскіе жители не вѣрятъ ихъ искусству и лечатся по своему; а именно, виномъ съ растертымъ порошкомъ или чеснокомъ: что, вмѣстѣ съ жаркою банею, служитъ для нихъ лекарствомъ во всѣхъ болѣзняхъ. Надобно признаться, что они гораздо здоровѣе насъ, Французовъ. Въ Россіи очень много людей за 80, 100 и 120 лѣтъ.»

(Продолженіе.)

При Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ былъ въ Россіи Докторъ Павелъ Флемингъ, человекъ умной, доброй – и стихотворецъ. Любопытство, видѣть народъ почти неизвѣстный въ Европѣ, завело его въ наше отечество. Онъ пять мѣсяцевъ жилъ въ разныхъ селеніяхъ близъ Новагорода, старался узнать нравы земледѣльцевъ Рускихъ, и въ Нѣмецкихъ стихахъ описалъ ихъ такими красками, какими славный Галлеръ описываетъ нравы щастливыхъ Альпійскихъ жителей въ извѣстной Поэмѣ своей die Alpen. Я переведу здѣсь нѣкоторые стихи его... Любопытство ума заставило меня проститься съ отечествомъ и съ друзьями, чтобы видѣть страну отдаленную, которую мы знаемъ только по злословію сосѣдовъ ея или разсказамъ лживыхъ путешественниковъ. Благодарю судьбу!.. Доброму сердцу пріятно вездѣ находить хорошее. Въ землѣ, называемой варварскою, вижу людей достойныхъ называться людьми. Земледѣлецъ Руской не мудрствуетъ о свободѣ, но истинно свободенъ душою; онъ богатъ, не чувствуя никакихъ недостатковъ;

цвѣтеть здоровьемъ, имѣеть доброе сердце и не знаетъ, что оно есть рѣдкое достоинство въ человѣкѣ; живетъ въ низкой хижинѣ, имѣ срубленной, и доволенъ, что она укрываетъ его отъ ненастья и холода; работаетъ весело, въ надеждѣ на Бога; наслаждается покоемъ въ объятіяхъ вѣрной супруги и засыпаетъ сладко подъ громкимъ пѣніемъ соловья. Жена щастлива повиновеніемъ мужу, и строгость его считаетъ знакомъ любви. Онъ не боится воровъ (бѣдность служить ему наилучшимъ стражемъ); не заботится о будущемъ, вѣря, что небесный Отецъ печется о людяхъ. Не жалѣйте о невѣжествѣ его, ученые мужи Европы! онъ разумѣеть добраго сосѣда своего, и думаетъ, что знаетъ все нужное. Ахъ! народъ сей принадлежитъ еще къ древнему царству Сатурна: ибо хитрость, коварство, обманы, ему неизвѣстны. Щастливая простота, любезная невинность! мы васъ уже не видимъ въ странахъ своихъ: кто бы думалъ, чтобы вы, оставивъ Германію, переселились въ землю Рускую? Кто могъ бы искать здѣсь добродѣтелей Астреина вѣка?»

Во время Великаго Князя Ивана Василье-

вича начали иностранцы прїѣзжать въ Россію и селиться въ Москвѣ. Онъ и сынъ его, Василій Ивановичъ, брали ихъ въ Рускую службу. Послѣ имъ отведено было мѣсто за городомъ, на берегу Яузы, гдѣ на счетъ казны выстроили для нихъ домики. Жены солдатъ Нѣмецкихъ, замѣтивъ что нибудь странное въ Рускихъ, ходившихъ мимо ихъ оконъ, кричали другъ другу: *Кукке, кукке гиръ*, то есть: *смотри, смотри!* Рускіе затвердили это слово, и прозвали Нѣмецкую слободу *Кукуемъ*. Черезъ нѣсколько лѣтъ она запусъла: иностранцы переселились въ городъ, и богатѣйшіе изъ нихъ начали тамъ строить каменные дома. Лютеране имѣли церковь свою въ Бѣломъ городѣ (близъ нынѣшней Меншиковой башни); но женская ссора *разрушила ее до основанія*. Олеарій такимъ образомъ говоритъ о семъ случаѣ. Многіе Нѣмецкіе Офицеры, бывшіе въ Руской службѣ, женились на служанкахъ, которыя, гордясь чиномъ мужей своихъ, захотѣли въ церкви сидѣть выше купеческихъ женъ. Послѣднія не соглашались уступить имъ мѣста, и вышла ссора, даже драка. Въ самую ту минуту Патріархъ

Ѣхалъ мимо; узналъ причину шума, и сказа-
въ: *когда онѣ ходятъ въ церковь не молиться,
а гордиться, то имъ лучше не имѣть ее* – и
велѣлъ сломать церковь до основанія. Черезъ
нѣкоторое время они построили новую въ
Земляномъ Городѣ; но скоро должны были
совсѣмъ переселиться за валъ. Еще при Миха-
иль Ѳеодоровичѣ Московскіе Священники
жаловались на то, что Нѣмцы живутъ въ ихъ
приходахъ, покупаютъ самыя лучшія мѣста и
строятъ большіе дома, съ которыхъ церкви
не имѣютъ никакого дохода; но какъ Госу-
дарь уважалъ иностранцевъ, то сіи жалобы
не имѣли успѣха до самыхъ временъ Царя
Алексѣя Михайловича. Тогда считалось въ
Москвѣ уже болѣе 1000 человекъ Нѣмцовъ.
Всѣ они носили Руское платье. Однажды
Патріархъ – не извѣстно, который; но
вѣроятно, что Іосифъ – Ѣхалъ по улицѣ, благо-
словлялъ народъ, и замѣтилъ, что нѣкоторые
люди въ толпѣ не хотѣли, подобно другимъ,
стать передъ нимъ на колѣна. Сіи люди были
иностранцы. Патріархъ, оскорбленный ихъ
гордостію, требовалъ отъ Царя, чтобы онъ
приказалъ имъ носить Нѣмецкое платье и

тѣмъ отличаться отъ православныхъ. Я не хочу (сказаль Патріархъ) впредь ошибаться и благословлять иновѣрцевъ.» Черезъ два дни всѣ они должны были одѣться по-своему[3] – и сверхъ того Царь Алексѣй Михайловичъ, уваживъ новыя жалобы Духовенства, запретилъ Нѣмцамъ жить въ городѣ, исключая тѣхъ, которые захотятъ принять Греческую Вѣру. Имъ снова отвели мѣста на берегу Яузы или на Кукуѣ. Съ того времени иностранцы, отличенные одеждою, едва смѣли показываться въ городѣ: мальчишки бѣгали за ними по улицамъ, оскорбляли ихъ непристойными словами и дразнили именемъ Кукуя. Наконецъ, лишась терпѣнія, Нѣмцы требовали защиты Царя, и въ прошеніи своемъ говорили, что они, стараясь быть полезными для Россіи, съ горестію видятъ себя предметомъ народной ненависти; что отцы ихъ были щастливѣе, пользуясь милостію Государя Михаила Ѳеодоровича, который, не смотря на свое великое усердіе къ Вѣрѣ Греческой, не позволялъ Рускимъ притѣснять иновѣрцевъ. Добрый Царь Алексѣй Михайловичъ приказаль увѣрить ихъ въ своемъ покровительствѣ и всенародно

объявить, чтобы никто не смѣлъ оскорблять чужестранныхъ ни словомъ, ни дѣломъ; что всякое преступленіе сего роду будетъ строго наказано, и что жилище Нѣмцовъ должно впредь называться *новою иноземскою Слободою*. Вотъ происхожденіе нынѣшней Слободы Немецкой. Иностранцы продали каменные дома свои въ городъ, а деревянные перевезли на берегъ Яузы, и были весьма довольны своимъ жребіемъ; отдѣлясь отъ Рускихъ, они лучше могли пользоваться удовольствіями общества между собою и благодарили Царя за то, что онъ велѣлъ имъ ходить въ собственной народной одеждѣ; построили двѣ Лютеранскія и двѣ Реформатскія церкви (Англійскую и Голландскую), и скоро обратили Слободу въ маленькой особенной городокъ, который черезъ нѣсколько лѣтъ соединился оъ Москвою.

Жителямъ Московскимъ извѣстно старое Нѣмецкое кладбище, въ Марьиной рощѣ, я хотѣлъ узнать, когда оно было оставлено, и спрашивалъ о томъ у Пасторовъ здѣшнихъ Лютеранскихъ церквей; но они не могли отвѣчать мнѣ удовлетворительно. Олеарій

пишетъ, что Нѣмцы, Лютеране и Реформаты, переселясь въ Слободу во время Царя Алексѣя Михайловича, обнесли стѣною новое кладбище свое: вѣроятно, что въ самое сіе время было оставлено ими старое, отъ Слободы удаленное кладбище, гдѣ они погребали мертвыхъ, живучи въ городѣ. — Достоинно замѣчанія, что Цари наши однимъ Католикамъ не позволяли въ Москвѣ свободнаго богослуженія: дѣйствіе взаимной ненависти между Восточною и Западною Церковію! Сія ненависть усилилась еще во времена лже-Димитрія и Польскихъ злодѣйствъ въ Россіи. При осадѣ Смоленска было въ нашей арміи нѣсколько Католиковъ; но по окончаніи войны, ихъ немедленно выслали за границу. Голштинскимъ Посламъ, ѣхавшимъ въ Персію черезъ Россію при Михаилѣ, объявили именемъ Царя, что въ свитѣ ихъ не должно быть ни одного Католика.

Многіе иностранцы во время Государя Михаила Ѳедоровича принимали нашу Вѣру. Нѣкто Графъ Шликъ, молодой челоуѣкъ, пріѣхаль въ Россію съ письмомъ Датскаго Короля Христіана IV, и будучи обласканъ Царе-

мъ и Боярами. объявилъ, что онъ желаетъ окреститься по обрядамъ Греческой Церкви. Государь, въ знакъ своего удовольствія, опредѣлилъ ему болѣе тысячи рублей въ годъ жалованья: сумма великая по тогдашнему времени. Всѣ знатнѣйшіе люди были свидѣтелями его Крещенія, – и Графъ Шликъ, взятый ко Двору, назвался Княземъ Львомъ Александровичемъ Шлыкомъ или Шлаковскимъ. Онъ зналъ Латинскій и другіе языки, имѣлъ вообще много свѣдѣній, былъ уменъ, ловокъ, и надѣялся жениться на дочери самого Царя, Иринѣ Михайловнѣ; однакожь сія надежда не исполнилась. Король Датскій увѣдомилъ Государя, что мнимый Графъ Шликъ несправедливо называется симъ именемъ, будучи совсѣмъ другой и весьма незнатной фамиліи; но Царь сдѣлалъ только выговоръ новому Рускому Князю и не лишилъ его своихъ милостей. Сей молодой человекъ женился потомъ на дочери одного Боярина. – Полковникъ Леслей, Баронъ Петръ Ремонъ и Французскій дворянинъ де-Гронъ также приняли въ Москвѣ Греческую Вѣру. Перый служилъ съ великимъ отличіемъ при

осадѣ Смоленска, и бывъ щедро награжденъ Государемъ, выѣхалъ изъ Россіи; но черезъ нѣсколько лѣтъ опять возвратился въ Москву, выпросилъ себѣ у Царя большую деревню на берегу Волги, и поселился въ ней съ женою и дѣтми своими. Рускимъ крестьянамъ не любилось работать на чужестраннаго господина: они жаловались, что жена его обходится съ ними весьма безчеловѣчно и даже оказываетъ явное презрѣніе къ обрядамъ Греческой Церкви. Послѣднее обвиненіе было уважено еще болѣе перваго. Леслея и жену его привезли въ столицу и строго допрашивали: они клялись въ своей невинности; но самъ Патріархъ вступился въ сіе дѣло и вмѣстѣ съ Боярами убѣдилъ Государя не отдавать крестьянъ иновѣрцамъ. Леслей, узнавъ о томъ и крайне желая удержать за собою доходную деревню, вызвался перемѣнить Вѣру. Его окрестили, но деревню — отдали другому: ибо крестьяне объявили, что они хотятъ лучше умереть, нежели принадлежать ему. Между тѣмъ Царь опредѣлилъ Леслею хорошее жалованье. — —

Примечания

Указатель къ **Вѣстнику Европы** 1802–1830
40. Русская Старина, (ч. 11 и 12, № 20 и 21, стр. 251–271, 94–103). Статья Н. М. Карамзина, перепеч. въ П. С. С., изд. Смирдина, т. 1, стр. 502. Здѣсь помѣщены разныя извѣстія о Россіи, заимствованыя изъ иностранныхъ писателей, преимущественно Оларія, Герберштейна, Маржерета, Петрея и Флеминга; въ нихъ говорится о набожности Русскихъ, затѣмъ слѣдуетъ описаніе города Москвы, одежды, домашней жизни Русскихъ бояръ, образованія, нравовъ и поселенія нѣмцевъ въ Москвѣ; тутъ приведены анекдоты, показывающіе препятствія, встрѣчавшіяся Нѣмцамъ при ихъ поселеніи.

Сноски

1

Нынѣ мы называемъ фережами одни нарядные сарафаны.

[^^^]

2

По крайней мѣрѣ не лѣтомъ, какъ надобно думать.

[^^^]

Нѣкоторые не могли такъ скоро сдѣлать себѣ
Нѣмецкихъ кафтановъ и надѣвали чужіе., На
одномъ (говоритъ Олеарій) кафтанъ тащил-
ся по землѣ, а на другомъ не доставалъ до
колѣнъ – что не лъзя было видѣть безъ
смѣха.»

[^^^]